

На правах рукописи

ЕГОРОВ Вадим Владимирович

**НАГЛЯДНЫЕ ОБРАЗЫ В ФОРМИРОВАНИИ
МЕНТАЛИТЕТА ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.13 - религиоведение,
философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург – 2003

Диссертационная работа выполнена на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького.

Научный консультант - Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Лойфман И.Я.

Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Кожеурова Н.С.

доктор философских наук, профессор Некрасов С.Н.

доктор философских наук, профессор Панпурин В.А.

Ведущая организация - Тюменский государственный институт искусств и культуры

Защита состоится «19» июня 2003г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр.Ленина,51, комн. 248)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Афтореферат разослан « 14 » мая 2003г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Л.А.Шумихина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. В анализе той или иной исторической эпохи, включая эпоху советскую и современный постсоветский период России, нельзя, с нашей точки зрения, обойти *проблему взаимовлияния определенного общественного строя, с одной стороны, и некоей модели жизнечувствования, мировосприятия членов данного общества - с другой.* Как нельзя при рассмотрении формирования этой модели мировосприятия, мироотношения обойти вниманием роль духовной атмосферы общества, образов его культуры, облика всей окружающей субъекта среды. Наглядные, или наглядно-чувственные, образы жизненного мира социального субъекта требуют сегодня в означенном ракурсе особого исследовательского внимания. Отнюдь не потому, что важнее этого проблем не существует, а потому, что так проблема ни в философских, ни в политологических исследованиях до сих пор специально не ставилась. Между тем в протяженной череде судьбоносных факторов истории, в том числе отечественной, образный фактор, мы предполагаем, занимает далеко не последнее место. Весьма актуально поэтому философское исследование наглядных образов сознания, культуры как выражения и осуществления менталитета общества, исследование их роли в жизни общества, в его функционировании и развитии. В такого рода исследовании целостная духовная жизнь эпохи выступает на уровне коллективного сознания, традиционно принятых способов чувствования и мышления живущих, действующих в данном обществе людей.

Выходившая сравнительно недавно из-под пера советских исследователей и их многочисленных коллег из социалистических стран общественно-ведческая литература важное внимание уделяла категории *"образ жизни"* и многоплановому рассмотрению содержания данного феномена. В обстановке имевшего место в то время напряженного идеологического противостояния двух мировых систем, сверхдержав, актуальность обращения к образу жизни общества представлялась несомненной. Противники советской, социалистической модели общества обращались к проблеме образа жизни в отстаивании своих ценностей и принципов. В свою очередь, политики и идеологи, общественеды и другие деятели науки и культуры у нас и в других социалистических странах настойчиво стремились доказать непреходящие достоинства и преимущества социализма (в советском или родственных ему вариантах).

В новейший период, с крахом биполярной модели мира, интерес отечественных ученых и политиков к социокультурной и идеологической проблематике *"образа жизни"* вдруг угас, сменившись резким неприятием. Но, надо полагать, не навсегда, поскольку никакая большая страна не может обойтись без внутренней и внешней пропаганды своей политики, своих принципов и ценностей. В этом обязательное, хотя и недостаточное, ус-

ловие роста ее авторитета. По нашему мнению, категория "образ жизни" настраивает на зримые представления об обществе, рассмотрение его облика и менталитета, сравнение данной социальной реальности с другими, на наглядную демонстрацию достоинств и недостатков, моделирование социальных перспектив.

Стратегия и тактика любой пропаганды, а тем более пропаганды, влияющей на воспроизводство и изменение сложившейся в мире геополитической ситуации, на духовное самочувствие миллионов людей, нуждались и впредь будут нуждаться в научном обосновании и обеспечении. Отрицание такой необходимости политиками, государственными деятелями и т.д. означает либо отсутствие политического опыта, либо попытку сокрытия отрицающими своих корыстных устремлений. Кроме того, уже в новых общественных условиях возрождается актуальность исторического спора о путях и моделях российского и мирового развития. Менталитет нашего народа нередко сопротивляется механическому наложению схем зарубежного жизнестроительного опыта на российскую действительность. Растущая роль в современном информационном обществе субъективного фактора актуализирует вопросы культурного, ментального суверенитета социума, отдельных социальных групп, поднимает проблемы границ вторжения во внутренний мир людей, направленности и характера общественных стремлений.

Развитие в обществе пропаганды его образа жизни, представленного в образах культуры, помогает обществу и государству укреплять свое международное влияние, обретать союзников, добиваться укрепления внутренней поддержки и опоры, развивать экономические и культурные связи, что имеет, в свою очередь, новые общезначимые следствия.

Обращение к наглядным образам культуры, мироотражения в связи с особенностями менталитета членов общества имеет и намного более нейтральную по отношению к политике, идеологии научную значимость. Это самопознание общества во всей полноте, включая выработку социумом адекватной самооценки, дальнейший анализ пройденного исторического пути, определение методов нейтрализации негативного опыта, выявление общесоциальных перспектив культурного развития.

Состояние разработанности проблемы. Тематика работ, посвященных роли наглядных образов в общественно-политических процессах, образу жизни общества как наглядно-чувственному образу, еще ждет своих исследователей в лице философов и политологов. По менталитету на сегодняшний день уже существуют весьма интересные идеи, наработки зарубежных и отечественных авторов, но при этом не исследуется связь формирования, функционирования менталитета с образами культуры, сознания членов общества.

Вместе с тем следует отметить, что работы многих авторов позитивно повлияли на ход и результаты нашего исследования. Эти работы, так или

иначе связанные с анализируемыми в нашем исследовании проблемами, можно условно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные образному и символическому миру культуры, специфике зрительного или звукозрительного образа в человеческом мировосприятии, мышлении - работы Р. Арнхейма, А. Банфи, Г.Д. Гачева, Т. Гитлина, Э. Кассирера, К. Линча, А.Ф. Лосева, М. Маклюэна, Д.В. Пивоварова, Р. Рут-Бернштейна, В.Ф. Рябова, В.Н. Сагатовского, В.Ф. Сетькова, А.В. Славина, О. Шпенглера, К.Г. Юнга и др.

Ко второй группе нами отнесены труды Л.Февра, М. Блока, А. Валлона, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле-Гоффа, Р. Мандру, И. Мейерсона, освещающих менталитет как категорию исторической антропологии, а также работы представителей русской религиозной философии - Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, К. Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, С.Л. Франка о духовных основах характера русского народа. И здесь же следует отметить работы современных отечественных авторов: Р.Г. Абдулатипова, Ю.П. Андреева, А.И. Горячевой, Н.Д. Джандильдина, В.Д. Жукоцкого, С.Т. Калтахяна, Л.К. Карасева, К.С. Касьяновой, В.И. Копалова, Р.Л. Лившица, М.Г. Макарова, З.В. Сикевич, В.К. Трофимова, Л.А. Шумихиной о национальном психическом складе, состоянии российской духовности в прошлом и настоящем.

В третьей группе трудов, посвященных культурному своеобразию советской эпохи, образам ее художественной культуры, нельзя не отметить прежде всего работы Г.В. Александрова, А.А. Блока, А.М. Горького, А.В. Луначарского, И.А. Фомина, В.М. Фриче, ставших свидетелями и участниками создания нового культурного мира, нового образа жизни общества. Более позднему периоду рассмотрения советского образа жизни и культуры посвящены работы С.Ф.Ануфриева, Н.М. Блинова, Л.А. Гордона, А.Г. Здравомыслова, В.И. Касьяненко, Э.В. Клопова, В.Г. Королько, Р.И. Косолапова, Л.А. О니кова, Г.Ю. Семигина, В.И. Толстых, Л.С. Тупчиенко, А.С. Ципко, которые помогают лучшему постижению образа жизни нашего общества и в настоящее время. К этой же группе отнесены нами и работы Э. Канетти, М.А. Лившица, Э. Маркина, В.И. Тасалова, затрагивающие наглядно - образный мир культуры германского нацизма, а также работы А. Лавровского, П. Лайнбарджера, У. Липпмана, А.М. Кейзерова, Д. Майерса, В.П. Мотяшова, А.В. Перцева, О.А. Феофанова, Ж. Эллюля и других авторов, в той или иной степени посвященные воздействию на массовое сознание и поведение рекламы и пропаганды западного мира.

Четвертую группу составляют исследования, посвященные проблеме идеального, общекультурным процессам, проблемам художественного и научного творчества, принадлежащие перу А.И. Арнольдова, Л.М. Андриюхиной, Э.А. Баллера, В.С. Барулина, Д.И. Дубровского, Л.А. Закса, М.С. Кагана, А.С. Кармина, В.В. Кима, Л.Н. Когана, Н.С. Кожеуровой,

И.Я. Лойфмана, Э.С. Маркаряна, Ф.Т. Мартынова, В.М. Межуева, А.В. Медведева, Л.А. Мясниковой, С.Н. Некрасова, В.А. Панпурина, Д.В. Пивоварова, В.И. Плотникова, Ф.А. Селиванова, Э.В. Соколова, Л.Н. Столовича, А.К. Уледова, Н.З. Чавчавадзе, Е.Ю. Шевцова и других авторов.

Повторим, что работы вышеназванных авторов так или иначе касаются интересующих нас в данном исследовании вопросов. Иногда ценные сведения, неизвестные факты добываются из источников, вроде бы не имеющих никакого отношения к избранной теме даже по "ключевым" словам. Но напрямую образ жизни общества как наглядный (наглядно-чувственный) образ, способный сыграть принципиальную роль в формировании общесоциального менталитета, разворачивании общественно-исторических процессов, в успехе или крахе политических режимов специальному исследованию подвергнут не был.

Даже связанный с крушением, как это принято ныне называть, "мирового коммунизма" поток публикаций ситуации не изменил. Некоторым исключением здесь можно было бы считать разве что публикации по критике соцреализма - "псевдохудожественной" культуры "тоталитарных времен". Изданные в нашей стране и за рубежом работы касаются в основном подчеркнуто критического рассмотрения соцреализма как ангажированного советской властью и ее идеологией художественного метода. Обилие современной литературы по критике соцреализма в целом так и не выходит за рамки проблем: идеологизация в ущерб эстетике, миф взамен реальности, свобода творчества и уничтожающий ее социальный заказ, компромиссы и их последствия для одаренной личности в обстановке тоталитаризма, творчество "нонконформистского" меньшинства. В остальном даже тоталитаризм как "сверхцентрализованный политический режим", подчиняющий ради неких высших ценностей и целей самые различные сферы жизни общества, остается до сих пор нетронутым в интересующем нас плане.

Все, что в настоящее время посвящается именуемому "эпохой тоталитаризма" советскому периоду, предстает перед читательской аудиторией, с нашей точки зрения, в вульгарно-социологизированном, окарикатуренном виде. Резкие выпады в адрес прежней общественной системы чаще всего лишь имитируют рассмотрение данного объекта. Достижения прошлого, еще не так давно поистине потрясавшие мир, ныне искажаются или замалчиваются. На смену гневно ниспровергнутым "старым советским мифам" создаются новые. Можно утверждать, что в попытках якобы противостоять ложным идеологизированным установкам советского общественнознания в последнее десятилетие выдвигались конструкции альтернативной лжи и искажений.

В недавнем прошлом понятие "тоталитаризм" дало возможность понять многие общественные явления и процессы. Но ныне само это понятие настраивает исследователя и читательскую аудиторию на негативную однозначность в отношении объекта исследования и становится, на наш взгляд, серьезным препятствием постижению "самости" данного общества

и его времени. Невозможно из года в год фактически лишь тиражировать в литературе и электронных средствах массовой информации общие места антитоталитарной риторики, пренебрегая всем остальным. В такого рода антитоталитарных разоблачениях притягательность советской эпохи оказывается неисследованной, будучи как бы невостребованной. На самом деле представители всего политического спектра в новых аспектах этого знания по разным причинам нуждаются. Обращение к образам жизненных событий, сознания и подсознания, культуры людей определенной эпохи, к особенностям их менталитета позволяет, как мы полагаем, выйти за рамки клише последних лет и попытаться в некоторой степени преодолеть разорванность времен.

Цель данного исследования – раскрыть влияние *наглядных образов* культуры общества и сознания его членов на формирование *менталитета* данного общества, на его историческую судьбу. Автор работы стремится, отстаивая свою позицию, подробно развернуть и обосновать ее в определенном, в основном - отечественном, историческом контексте.

В ходе достижения поставленной цели автор решает следующие **задачи**:

- выявить творческий потенциал наглядных образов и значение образного подхода в исследовании социальных, культурных явлений и процессов;
- в разноречивости трактовок менталитет определить его содержание, раскрыть связь с образами культуры, сознания и подсознания социального субъекта;
- рассмотреть становление и динамику образа жизни общества в его наглядной ипостаси при кардинальной перемене в данном обществе политического строя;
- раскрыть процесс формирования культурной "голограммы" советской эпохи под влиянием наглядных образов искусства на общественную жизнь;
- выявить образные и ментальные аспекты идеологической борьбы двух мировых систем в конце XX века;
- дать анализ основных противоречий в образно-ментальном состоянии российского постсоветского общества, рассмотреть возможности их разрешения на современном этапе.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют положения О. Шпенглера о культурных эпохах, имеющих некую свою "физиогномию". Однако, если по шпенглеровской версии такая физиогномия есть только выражение "души" своей эпохи, то автор работы отстаивает положение об активном влиянии облика образного мира культуры общества на его (общества) дальнейшую судьбу. Существенным фактором изменения материальной действительности является развивающийся и утверждающийся в обществе его образный мир. И, словно в зеркало,

в свои романтические, реалистические, героические портреты смотрящееся общество аккумулирует силы, энергию, волю к победе в своих действиях, в достижении целей. Говоря о методологических основах данного исследования, нельзя не упомянуть идеи Н.А. Бердяева. Высказанные им суждения о "пейзаже русской души", об истоках и смысле "русского коммунизма" способствуют уяснению того, как "мессианистские" марксистские идеи нашли в мировосприятии нашего народа живой отклик и поддержку. Немаловажной составляющей методологической основы настоящей работы следует считать и положения, выдвинутые в трудах К.Г. Юнга и посвященные "коллективному бессознательному". Особое внимание автора обращено при этом на юнговскую трактовку архетипов как древнейших, испокон века имеющих место в человеческом подсознании, всеобщих образах. То, что на подсознательном уровне в душах людей действуют схожие модели мышления, установки, реакции, имеет принципиально важное значение. Но автор данной работы стоит на позиции, что менталитет не ограничивается подсознанием субъекта, не передается генетическим путем, а наследуется социально. И образы, укорененные в глубинах человеческой души, своим источником имеют внешний мир. В этом отношении диалектико-материалистическая теория отражения и сегодня признается автором верной. А попытки предумышленного забвения или даже изъятия ее из живого философского знания представляются автору временными и, в конечном счете, обреченными на закономерное поражение.

Придерживаясь диалектико-материалистической позиции, автор, однако, в силу самой тематики исследования делает упор не столько на обусловленность базисом надстройки, сколько именно на относительную самостоятельность и активную роль последней. Не столько на зависимость общественного сознания от общественного бытия, сколько на самостоятельность и действенность общественного сознания в процессах преобразования общества. Принципиально важным для данного исследования является все касающееся роли субъективного фактора, диалектики стихийного и сознательного в общественных отношениях. В трудах классиков марксизма нам важны также попытки выявления природы культурных ценностей, раскрытие идей самореализации субъекта в социальном творчестве, трактовки подлинного человеческого богатства. Живое творчество народа, составляющих социум членов может выхолащиваться, подвергаться искажениям, но, так или иначе, в этом лейтмотив поистине достойной человека жизни. А противоположность этому - путь потребительства, стяжательства и разобщения людей.

Идеи творческого, активного отражения действительности помогли автору данной работы найти в человеческом мироотношении нечто родственное формированию и восприятию художественных образов. *Образом, по мнению автора, может представать сознанию субъекта тот или иной объект реальности, продукт фантазии, взятый с точки зрения его выразительности, чувственно-впечатляющей энергии, оригинальности.* В этом

смысле и работы, посвященные проблеме художественных образов, психологии творчества, эстетического освоения действительности личностью и обществом, вошли как необходимая составляющая в методологическую основу данного исследования.

Научная новизна исследования выражена в авторской концепции, согласно которой наглядные образы культуры и коллективных представлений формируют в обществе его менталитет, воздействуют на образ жизни данного общества и являются не только индикатором, но и катализатором общественно-исторических процессов. В диссертации на обширном конкретном материале становления и культурного развития образности советской эпохи раскрывается социально-исторический смысл наглядных образов в утверждении менталитета эпохи, в ее исторической судьбе.

Основные положения диссертации, характеризующие ее новизну и значимость, заключаются в следующем:

1. Развита трактовка наглядных образов массового сознания и менталитета общества как социально-культурных феноменов. Наглядные образы культуры, сознания людей представлены как средство выражения и функционирования менталитета общества. Менталитет как способ чувствования, стиль умонастроений коллективного социального субъекта охарактеризован в качестве внутреннего основания определенного образа жизни, средства самоидентификации личности и социума в целом. Показано, что образ жизни общества выступает в виде наглядного образа и образно-чувственного мира живущих, действующих в данном обществе людей.

2. Рассмотрены культурно-образные предпосылки революционного переустройства российского общества. Показано, что при кардинальной смене господствующего в обществе строя возрастает влияние наглядных образов не только в политическом, идеологическом, но и в культурно-эстетическом их значении. Наглядность, демонстративность в облике наступающей эпохи достигает кульминации, увлекая за собой дальнейший ход событий.

3. Показано, что идеология и политика именно тогда обретают в обществе максимальную результативность, когда они сопрягаются с определенной культурной "голограммой", консолидирующей общество, утверждающей в сознании и подсознании людей свой катарсический "код". Наглядные образы культуры в советскую эпоху выступают фактором формирования у основной массы членов общества соответствующей модели чувствования, миропереживания, когда своего рода анфас наглядно-образного мира оборачивается определенным профилем менталитета. Неиспользование данного образно-ментального потенциала, блокирование или разрушение его могут погубить общественную систему, целую эпоху.

4. Дан анализ особенностей и итогов идеологической борьбы двух мировых систем как противодействия образно - ментальных альтернатив двадцатого века. Обоснована противоположность образности советской эпохи и германского социума при нацизме. Показано, что на историческую судьбу советского общества в последние годы его существования повлияло отсутствие новых образных альтернатив имиджевой пропаганде Запада.

5. Дана характеристика состояния и тенденций отечественной социокультурной образности, менталитета российского общества на современном этапе радикальных общесоциальных переустройств. Преодоление образно-ментального слома в жизни, культуре российского общества раскрыто в качестве необходимого условия предотвращения дальнейшей социальной конфронтации и оздоровления общественной жизни.

В ходе осуществленного исследования автором работы предложены свои трактовки, а также содержательные уточнения таких категорий и понятий, как образ жизни общества, образ, менталитет, образность, стереотип и имидж, образно-ментальный слом в обществе.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы настоящего исследования способны не только послужить отправной точкой дальнейшей теоретической разработки данного направления, но и оказать помощь в решении таких фундаментальных практических задач, как управление некоторыми ныне спонтанными в Российской Федерации социально-политическими, культурными процессами и гуманизация современной предметно-пространственной среды.

Ряд идей и положений данного исследования был использован в программах, рекомендациях и других разработках на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1993, 1999 гг., а также на выборах депутатов Областной думы Законодательного Собрания Свердловской области в 2000, 2002 гг., на выборах в состав Екатеринбургской городской думы, в работе клуба избирателей г. Екатеринбурга.

Материалы исследования использованы автором в работе над федеральной научно-исследовательской программой "Народы России: возрождение и развитие" (§ 53/11 "Человек в контексте культуры", "Гуманизм и преодоление отчуждения человека"), а также в процессе чтения лекций, ведения семинарских занятий по курсу философии и курсу культурологии, в преподавании спецкурсов "Образный потенциал рекламы и пропаганды", "Менталитет общества" в Уральском государственном экономическом университете.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы и в проектах Российского Фонда культуры.

Апробация работы. Основные идеи и результаты данного исследования отражены в докладах и сообщениях автора на научных и научно-практических конференциях, в том числе на Всероссийской научной кон-

ференции "Возрождение и развитие России: пути выхода из кризиса" (Санкт-Петербург, 1991); Файнбургских чтениях "Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований" (Пермь, 1992); Республиканской научно-практической конференции "Возрождение России: социальные и экономические аспекты ее развития" (Екатеринбург, 1993); Республиканской научной конференции "Судьба России: прошлое и настоящее" (Екатеринбург, 1994); Научно-практической конференции "Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего" (Красноярск, 1995); Всероссийской научно-практической конференции "Проблемы культуры в условиях новой экономической реальности" (Москва, 1995); Всероссийской научной конференции "Судьба России: духовные ценности и национальные интересы" (Екатеринбург, 1996); Республиканской научно-практической конференции "Россия на пути реформ: проблемы социально-политического выбора" (Челябинск, 1996); Международной научно-практической конференции "Народы России: возрождение и взаимодействие культур" (Уфа, 1996); Международной научно-практической конференции "Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала" (Соликамск, 1996); Всероссийской научно-практической конференции "Гуманизация образования – императив XXI века" (Пермь, 1997); научно-практической конференции "Социально-экономические проблемы межгосударственных отношений" (Москва, 1998); Международной научно-практической конференции "Молодежь России на рубеже веков" (Березники, 1999); Всероссийской научно - практической конференции "Образование - основа устойчивого развития России" (Екатеринбург, 1999); Международной научной конференции "Социально-экономические отношения в трансформируемой России" (Воронеж, 2000); Международной научно-практической конференции "Предприятие - окружающая среда - культура" (Екатеринбург, 2001); Всероссийской научно-практической конференции "Высшее образование в России: достижения и перспективы" (Екатеринбург, 2001); Всероссийской научной конференции "Конкурентоспособность территорий и предприятий - стратегия экономического развития страны" (Екатеринбург, 2002); Всероссийской научной конференции "Мировоззрение и культура" (Екатеринбург, 2002).

По теме диссертации опубликовано более 40 научных работ, в том числе три монографии.

Автор выступал с теоретическими докладами по теме диссертационного исследования на семинаре докторантов кафедры философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького, на кафедре социально-политических наук факультета политологии и социологии УрГУ, на кафедре философии Уральского государственного экономического университета.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Содержание работы изложено на 303 страницах машинописного текста. Список литературы включает 345 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, показана степень её научной разработанности, сформулированы цель и задачи исследования, изложены методологические основания диссертации, раскрывается её научная новизна и практическая значимость.

В первой главе **"Наглядные образы и менталитет как социально-культурные феномены"** автором обосновывается важность исследования образа, жизни общества в его наглядно-чувственных аспектах, выявляется образный ресурс миропостижения, миропереживания социального субъекта, когда мир открывается людям в качестве своего рода панорамы, картины, сложной совокупности зримых "телесным" и "духовным" взором образов. Выявляются возможности наглядных образов в выражении и становлении определенной ментальной модели общества, в культурном развитии и самоидентификации его членов.

В первом параграфе **"Творческий потенциал наглядных образов"** автором показано, что "визуальное измерение" цивилизации как локомотив "новой чувственности" (М. Маклюэн) не ограничивается миром экрана и его влиянием на сознание, подсознание аудитории. Поскольку фактически весь окружающий субъекта мир способен (и был способен в прошлом) открываться как зрительный, звукозрительный образ (совокупность образов), постигаемый и переживаемый в его формосодержательном единстве.

Наглядные образы необходимо рассматривать с определенной долей условности не только в качестве внутреннего мира, но и внешнего мира субъекта, окруженного многоликой предметно-пространственной средой, искусством, информационными потоками и т.д. Образы прошлого и будущего в опредмеченном виде и представлениях "вкрадываются" в освоение настоящего, в актуальное окружение. Взаимоотношение внешнего и внутреннего анализируется и в том плане, что образ есть "бытие выразительное" (А.Ф. Лосев), он - "форма", но не "элементарная", а содержательная - "формосодержание". Отображение объекта, способно перерастать в идеальное его преображение, опускающее одни черты и усиливающее другие, раздвигая субъекту стесняющие рамки непосредственной явленности. Давая субъекту предметный ориентир выявления, вербального формулирования смысла, образы способны (хотя бы отчасти) переводить эти смыслы в план изобразительный. *Образы иницируют актуализацию, освоение необразной информации, выступают ее репрезентантом. В отношении объектов, ускользающих от рационального понимания и строгой категоризации, формализации, на помощь приходит формализация особого рода - образная.* Наделенные ресурсом зримой аналогии, образы способны помочь субъекту увидеть, постичь искомое.

В своем выразительно-изобразительном качестве образ фокусируется в понятии "наглядность". Рассматривая различные трактовки наглядного, наглядности, в том числе и как привычного, очевидного, автор сосредоточил свой интерес на образах именно зрительного, звукозрительного характера. Визуальное может не быть в наглядном образе сплошным, но обязательно является сквозным, амбивалентным. *Наглядные образы аккумулируют не только известное, познанное, но и неизвестное на пути субъекта к познанию, прочувствованию.*

Образ жизни общества как наглядный образ есть целостность, способная представлять совокупность или даже строгую систему более частных образов, которые работают на общий образ и выступают для субъекта некими агентами последнего. Взаимодействие совокупного образа и отдельных его частей может происходить не только индуктивным, но и дедуктивным (возникновение на базе общего отдельных образов, обогащение общего живыми и четкими деталями) путем. Образное мироотражение имеет не только значительный познавательный, но и ценностный потенциал, когда, в частности, благодаря образам мир предстает субъекту и как эстетическая ценность. В наглядных образах происходит выражение и аккумулирование индивидуального и коллективного вдохновения социального субъекта, воспроизводство и ретрансляция этого вдохновения людей в пространстве и во времени. В образах культуры как в формосодержании может происходить афористическое выражение смыслов бытия, их запечатление и интерпретация в качестве основ и ориентиров жизни личности и общества. Образ способен сочетать в себе общее, типичное с конкретным, выступать в качестве символа и *включать в себя символическое* в качестве составляющей. В теории художественного творчества значительное внимание уделено выражению типического средствами художественного образа. Действительно, типическое раскрывает содержательные масштабы отображаемого, укрупняет его в глазах аудитории. Но типическое проявляется не только в соотношении образа с отображаемым, а и в соотношении образов между собой, когда можно говорить о более или менее характерных для определенного социума продуктах общественного сознания, культуры. В качестве вдохновляющего и организующего жизнь социального субъекта фактора наглядный образ реализуется в направленности поведения людей, оказывая серьезное влияние на сохранение и изменение устоев общественной жизни.

Не стремясь к отрицанию различных веских аргументов в пользу охвата понятием "наглядные образы" и рациональных логических построений мироотражения, автор работы обращается именно к наглядно-чувственным образам. Образы такого рода совсем не ограничены областью человеческих чувств, но чувственная сторона в данном мироотражении является основной, ведущей. Благодаря не столько рациональным компонентам, сколько символической составляющей, типическим чертам и аккумулированию их общеэстетического потенциала, наглядно-чувственные об-

разы способны преодолевать уровень обыденного сознания и раскрывать человеку сущностный план и основные формы обширных, социально значимых явлений и процессов, побуждать субъекта к активным социальным действиям.

Во втором параграфе **"Определение менталитета в разноречивости его трактовок"** автор освещает подходы к определению менталитета и близких ему феноменов в зарубежной и отечественной литературе (Л. Февр, М. Блок, А.Я. Гуревич, К.Г. Юнг, А.В. Петровский, В.А. Шкуратов, М.Г. Ярошевский и др.), выявляет отношение менталитета и образа жизни общества. Так, с точки зрения автора, *в образ жизни общества входит и его менталитет - совокупность сходных, характерных состояний видения мира, способов чувствования и мышления живущих, действующих в данном обществе людей.* Как и что общество чувствует, думает, к чему духовно устремляется, есть тот духовный космос, из которого рождается и особой частью которого становится общественный менталитет. Входя составной частью в образ жизни общества, менталитет достраивает его в качестве совокупного материально-духовного образования.

В образах выражается и формируется менталитет общества, когда наглядные образы впечатляют, вдохновляют людей и выступают организатором определенных моделей их чувствования и мышления, а последующие впечатления как бы "вливаются" в те грани, которые прокладываются предыдущими. Приверженность открываемым и присваиваемым в наглядных образах ценностям и смыслам может быть необычайно сильной, но при этом не отнимает свободы дальнейшего культурного развития социального субъекта, его творческого поиска. В определенном обществе существуют вырабатываемые и наследуемые им некие базовые наглядные образы, близкие тому, как понимал архетипы в своей теории коллективного бессознательного К.Г. Юнг. Но эти образы *вырабатываются и наследуются социальным, культурным путем* и не ограничены сферой бессознательного, не имеют априорного характера. Другое дело, что даже и в некоем "полупустом" состоянии данные образы играют роль реальных организаторов сознания в деле отторжения при усвоении текущей информации, действия импульсов социального поведения. Если сначала своего рода "крепость" лежит не в субъекте, а в отражаемом им объекте, то в дальнейшем таковая возникает и в душе субъекта. Так и в масштабе определенного общества формируется присущий данному обществу менталитет. Утвердившиеся в сознании и подсознании членов общества образы ведут концепцию отношения субъекта к миру за собой. Образ или совокупность образов как своего рода духовное вещество рождает своеобразное духовно-психическое поле мироотношения. В свою очередь, это поле способствует рождению, восстановлению образов, их осуществлению в объективной социальной реальности.

Третий параграф **"Менталитет и его образы в контексте социального пространства и времени"** посвящен менталитету общества в опре-

деленные исторические эпохи, ментальным истокам жизни русского народа, его культурному опыту и духовным устремлениям. Автор оспаривает понимание эпохи как качественно своеобразного периода истории, выделяемого на основе некоторой суммы объективных признаков, но без учета признаков субъективных, интерсубъективных. В этом отношении уместно иметь в виду своего рода дух эпохи, атмосферу времени и т.д. Жизнечувствование, умонастроения людей той или иной эпохи выражают последнюю, характеризуют ее. Наряду с "эпохой" то, что именуется "менталитетом", может быть отнесено к понятиям, категориям социального времени. Автором поддерживаются подходы, согласно которым в "состав" социального времени включается психологическое переживание времени (В.П. Яковлев), художественное время (Д.С. Лихачев и др.) и т.п. Способы мировосприятия, миропереживания людей определенного времени, эпохи должны непременно учитываться в изучении данной эпохи. Это дает возможность лучше понять эпоху и живущих, действующих в ней людей в их прозрениях, переживаниях и заблуждениях, иллюзиях.

Замедление темпов общественного развития способно сменяться ускоренным движением общества, что сказывается на характере народа, менталитете определенных исторических эпох, в том числе ярким подтверждением тому служит отечественный опыт, путь развития российского общества. Становление менталитета общества связано и с социальным пространством, когда месторасположение страны, ландшафт, размеры территории влияют на особенности мировосприятия народов, национальные характеры, традиции, искусство. Панорама российской земли издавна формировала "пейзаж русской души" (Н.А. Бердяев). Пространственный размах, как рассматривается в работе, связан то с растянутым, то со сжимающимся временем социальной действительности, духовно-психическим переживанием народом своего времени и представлениями о грядущем.

Автор оспаривает утверждение некоторых исследователей (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.), что менталитет общества "не закреплен в материализованных продуктах, а растворен в атмосфере общества". Он отстаивает позицию, согласно которой материальная культура, искусство являются хранителями менталитета, его опорой, инобытием. Запечатленный в творениях культуры, опредмеченный в ней менталитет воспроизводится и развивается, воспроизводя и развивая культурный мир ценностей и смыслов бытия общества, эпохи. *Менталитет и выражающие, формирующие его наглядно-чувственные образы выступают духовно-энергетическим носителем культуры, импульсом ее творческого развития.* Эстетические ожидания, эстетически преломляемая социальным субъектом действительность, аккумулируемые в наглядных образах и фиксирующиеся в менталитете общества, способны становиться и становятся мощным фактором воспроизводства и развития общественных, в том числе политических, отношений. И негативизм в оценке тех или иных эпох, периодов исторического развития не дает исследователям возможности понять силу действия дан-

ного фактора. Так произошло и в отношении советского времени, когда наглядные образы и менталитет сыграли, согласно позиции автора работы, судьбоносную роль в рождении, развитии и крушении целой эпохи.

Процесс исследования менталитета всякого общества требует, с одной стороны, абстрагирования от чувств и помыслов данного социума, отдельной личности и проникновения в них - с другой. Такой подход несет в себе серьезное противоречие, но иначе проблему не решить. Рассмотрение менталитета пренебрегать включенными формами не может. Если существующий (существовавший) в обществе менталитет способен что-то принципиально изменить, то надо прочувствовать и осознать его как снаружи, так и изнутри. Потребность в "чувственной науке" (Р. Рут-Бернштейн) здесь для автора работы налицо. Отталкиваясь от материальной действительности в качестве отражения таковой, менталитет и закрепившиеся в нем образы-представления способны, согласно автору, играть роль субъективного фактора исторического процесса.

Во второй главе "**Культурно-образные предпосылки революционного переустройства российского общества**" автором показывается, что взаимодействие господствующего в обществе политического строя с самим обликом общества, образами его культуры и духовной среды особенно сильно и наглядно проявилась именно в нашей стране в советскую эпоху и современный постсоветский период.

Беспрецедентные исторические перемены, воплотившие собой великую надежду одной части населения и трагедию другой ее части, придали советскому общественному облику, образам формировавшейся материальной и духовной культуры социума особую яркость и остроту, особую впечатляющую и действенную силу. Анализ данной ситуации, по мнению автора, помог бы не только разобраться в прошлом, путях и способах преодоления и (или) сохранения его наследия, но и постичь суть происходящих в нашем обществе и за рубежом сегодняшних процессов.

В первом параграфе "**Образно-ментальные аспекты осуществления революционного "переворота"**" рассмотрено, как направленный на низвержение основ старого строя революционный взрыв грозит необратимым уничтожением всей культурно-образной среды предшествующей эпохи. Известный лозунг "Кто не с нами - тот против нас" несет в себе реальную опасность перерасти в массовое отношение ко всей окружающей среде, социокультурной обстановке становящегося прошлым настоящего. Социальный гнев народных низов как реакция на нестерпимую нужду и гнет, который не щадит уклада прежней жизни и зримых ее примет, объясняет многое, но на уровне стихии. Однако здесь есть и более глубокий, жестокий смысл. Будучи выбита из привычной, в том числе вещественной, среды личность вынуждена быстрее вживаться в новые условия, переоценивать жизненные ценности. Происходит демонстрация всего того, что докажет "бывшим" их историческое фиаско, а отчужденным в недавнем прошлом массам - реальность воплощения в жизнь "власти трудового народа".

Талантливо созданный сочувствовавшей народу творческой интеллигенцией художественный образ труженика, мученика наглядно сработал на сознание российского общества, явившись важным фактором пропаганды необходимости грядущих революционных перемен. Приметы жизни "праздного класса" сказались, в свою очередь, на русской интеллигенции, ее драматической, трагической судьбе. Автором показано, что уничтожение и "внешнего образа жизни" (Гегель) качественно ускоряет ход общественного переустройства, но антигуманно в принципе и ведет противоборство в обществе на стадию его кульминации. Долготерпение народное явилось в нашей стране фактом, красноречиво подтвержденным целыми веками российской истории. Многим поколениям угнетателей, губителей внушило оно чувство безнаказанности за содеянное. Но наступившее возмездие им не обошло и невинных.

Небывалые революционные перемены, перевернувшие в свое время нашу страну и потрясшие мир были обусловлены, как показано в работе, не только образами, созданными в культуре виднейшими представителями русской интеллигенции, но и озарившим массовое сознание, рожденным самим народом *образом грядущей прекрасной жизни*. Это образ некоего Царствия Небесного на земле или фольклорного Града Китежа, когда "мечта прекрасная, еще неясная" освещала крайне тяжелую жизнь народных масс.

Происшедшую в нашей стране и положившую начало советской эпохе революцию современные идеологи часто именуют "переворотом", стремясь тем самым подчеркнуть ее случайный, антиисторический характер. В противовес этому автором показано, что применявшийся и современниками термин "переворот" многими воспринимался глобально как "светопредставление", где "все перевернулось" и "последние станут первыми", а вековое господство неправды навсегда уйдет в прошлое и "свет осияет трущобы земли". Революция и народовластие предстали массам вертикальными вариантами развития по отношению к инерционному течению исторического процесса. Причем сама революция - только кульминация резкого скачка общества, человечества из низшего в высшее, великое восстание против энтропии истории. В этом образном смысле поименование российской революции "переворотом" было способно не занижать, а, напротив, глобализировать ее масштабы и значение.

Второй параграф **"Реалии и перспективы формирования облика нового общества"** показывает, как, развиваясь в динамике утверждения советского строя, оформлялся облик общества, его насыщенный символической пропагандистский образ. Это было стремление миллионов наших соотечественников и сочувствующих за рубежом увидеть, представить принципиально новый способ социальной жизни в его наглядной панораме, в его эстетико-пластических, символических формах и эмоциональном строении. Действительность активно вторгается в идеологию, и крушение надежд о скорой победе мировой революции изменяло не только идеоло-

гическое самосознание общества, но и его эстетико-пропагандистский автопортрет. Таковой трансформировался из первого оплота мировой революции в уникальный оазис народовластия, простирающийся на необъятной территории вплоть "до самых до окраин, с южных гор до северных морей". Однако новый образ как бы зримо вобрал в себя "всемирность" предыдущего, став объемнее в пространстве и во времени.

На смену созвучному ритмам индустриализации энергичному технократическому конструктивизму в общество через предметный мир архитектуры и строительства приходит советский неоклассицизм. В общественном сознании он должен был ассоциироваться с воплощением вековой мечты человечества, возвращением к истокам истории и культуры на качественно новом уровне. *Данное общество предстает для своих граждан не только созидающим будущее, но и уже несущим его зримые черты.* Напряженный, агрессивный урбанизм конструктивизма, несмотря на свою "революционность", оказался не в состоянии ответить назревшим социальным, эстетическим ожиданиям и чаяниям народа, его представлению о прекрасном и великом. Так, предвосхищавшие наступление радостной счастливой жизни образы в построении предметно-пространственной среды нашего общества в советскую эпоху возобладали над остальными.

В свою очередь, образ микросреды нашего общества при формировании испытывал наибольшее влияние элементарных бытовых факторов, будничных локальных ситуаций. Но, будучи вписана в "жизнерадостную" макросистему, данная микросреда испытывала контрвлияние последней. Применительно к проблеме наглядно-чувственного образного мира советской эпохи автором работы поддерживается и развивается идея Н.А. Бердяева о том, что произошло слияние веры в будущее вынесшего все тяготы земные русского народа и братских ему народов с мессианизмом марксистского учения об исторической роли пролетариата, трудящихся масс. При этом самопроизвольным сочетанием "книжной мудрости" с народной мифологией, надеждой и мечтой все ограничиться не может, нуждаясь в аудиовизуальной "воспламеняюще-акустической" социокультурной среде. *Все это адаптирует членов общества к его устройству, образу жизни двояким путем: идеала и реалий.*

Наряду с пропагандистскими символами-стереотипами, порожденный особым экономическим, геополитическим и идеологическим положением общества бытовой уклад становится наглядно-привычным в общесоциальном масштабе. В неофициальном смысле он стал нормативным. Сложился, например, всем известный облик мебели, детской площадки, причесок и многого другого, эволюционировавших со временем, но выдающих свое происхождение. Возникали почти неуловимые черты, не позволяющие перепутать советскую действительность с какой-либо другой. Даже обыденный образный ряд и повседневные вполне нейтральные слова - "сельмаг", "подшефный", "смена", "детвора", "девчата" ..., ставшие опорными в советском способе мышления и мироощущения, обрели сильный потенциал ре-

презентативности. Обратная и фасадная стороны образа жизни советского общества сталкиваются, контрастируют и взаимопроникают, составляя единое целое. Перемешавшись с картинами природы и общим ходом жизни, преломляя их воздействие на субъективный мир наших сограждан, пропагандистский поток и образы художественной культуры становятся как бы естественным фоном и "фигурой" общественного бытия, импульсом его движения. На парадах и форумах, в искусстве и повседневности, кинохронике и т.д. воссоздаются образы вождей, руководителей, героев и знаменитостей и наших простых-непростых рядовых тружеников.

Итак, в рождении и обращении в обществе множества различных образов *воспроизводилась советская образность – совокупность общих, относительно устойчивых, повторяющихся в обществе наглядных черт действительности, ее изобразительных трактовок и предвосхищаемых социальных перспектив*. Жизнерадостность, державность и народность, преодоление лишений и невзгод вплоть до крайних неустроенностей быта, максимализм и устремленность в будущее воспроизводили наглядные отличия советского общества от остального мира. В этом смысле обретавшая себя даже в выразительно-изобразительных повторах советская образность в своем становлении имела мировую новизну с перспективой дальнейшего развития.

В третьей главе **"Место и роль искусства в становлении культурной «голограммы» советской эпохи"** рассматривается как вдохновенная окрыленность новизной для человечества начавшейся в нашем обществе исторической эпохи и величием ее как простора претворения вековой Мечты народной стала исходным пунктом зарождения и содержательного насыщения художественных образов советского искусства. Многим хотелось "сказку сделать былью". И в этом дерзновенном порыве в ходе революционного переустройства общества устремления мастеров искусства и советской власти стали постепенно совпадать. В дальнейшем, набирая силу, этот процесс менял свои акценты, но сам хилиастический источник вдохновения продолжал существовать и развиваться.

В переломные периоды истории многие художники обретают дух цельности, музыкальной спаянности с судьбой народов, когда творцам новой культуры становится слышен "гул истории". Как из некоей великой "оркестровой ямы" мироздания катятся мировые музыкальные волны и начинается мельканье бесчисленных стихийных образов, из которых, схватывая главное или кажущееся таковым, художники пытаются соткать ткань своего времени. Хаотическое, неоформленное время художник стремится выразить своего рода "голограммой", обналичить, сделать это время культурно осязаемым всей нацией, всем человечеством. Подобно экстрасенсу, художник видит, слышит дальше и больше остальных, хотя и он подвержен ложным фетишам, иллюзиям своего времени, то есть в этом смысле ничто человеческое ему не чуждо. Именно художнику наилучшим образом удастся зафиксировать в своем сознании лучшие или худшие, а то

и просто представляющиеся характерными колориты, силуэты, ритмы своего времени, удастся поймать и опредметить не только мгновения самой объективной жизни, но и связанной с этим тональности своего жизнечувствования. Из "хаоса" рождается "культурный космос" наступающей эпохи как пролог грядущего развития объективного мира.

Не отрицая влияния так называемых "идеологических суперструктур коммунизма", то есть идеологических институтов советской власти в координации и общем руководстве (наряду с управлением остальным ходом общественной жизни) художественными процессами, автор исследования обращается, однако, к внутренним побудительным причинам становления, утверждения в данную эпоху советской художественной образности, в противном случае, по мнению автора, означенный процесс полноценно быть раскрыт не может.

Эпохе свойственна тенденция благодаря художественной культуре реализовать свой шанс и обрести неповторимый, только ей присущий вид в человеческой душе, наделенной определенными эмоциональными предпочтениями, богатой ассоциативной аурой, и в предметном мире. "Намагниченная" экстрасенсорикой художников, такая голограмма является не априорно существующей в космическом пространстве трансвременной готовой данностью, а культурно закрепляемой авторской версией мира и мировосприятия, поддержанной общественным признанием своего времени, других идущих вслед времен. И как версия, как относительно произвольная трактовка мира голограмма несет в себе момент "субъективизма". Она является ответом авторов на уже слагающиеся в социуме модели жизнечувствования и в то же время - творческой авторской инициативой развития последних.

Мощными аккордами событий, духовной энергетикой эпоха подталкивает современников к обретению определенных культурных голограмм, но они не обусловлены фатально, непреложно, они способны видоизменяться, а главное, могут состояться или нет. Даже поднимая человека в одаренности его подчас буквально "на порядок", время больших свершений и надежд само зависит от того, используют ли все же "избранники судьбы" свой шанс или упустят "не узрев", оставят втуне. Только состоявшись именно в своей художественности самости, голограмма и обретает полноценность, раскрывает свой потенциал стать сквозным инвариантом своей эпохи и культуры. Подарить своей эпохе выразительный художественный образ – значит решить задачу поистине судьбоносного для нее, для общества масштаба.

На этапе больших общесоциальных перемен версия реальности в образах искусства способна становиться как собственно ее (реальности) проектом, так и проектом, ориентиром жизнечувствования данного общества, составляющих его сограждан. Великий мастер, пробужденный временем, стремится уловить пульсары мироздания, а затем, подобно стеклодуву, выдувает из них свою голограмму мира, в которой вызревают и творения

его единомышленников, подражателей, почитателей и т.д. Он способен вовлекать в свою идейно-эстетическую орбиту и когда-то относительно посторонние течения. Совокупная образная голограмма культуры общества, эпохи содержит множество фрагментарных голограмм. Последние, как некий микрокосм, есть в некоторой степени вариация на тему макрокосма, продукт активного мировосприятия художника как социального субъекта и индивидуальности. Подобно капле воды, отражающей в себе весь мир, микрокосм, наряду с другими микрокосмами, есть составляющая отражения макрокосма в целом. При этом случается, что и отдельно взятый микрокосм становится наиболее выразительной, красноречивой моделью макрокосма. Так, например, Венера Милосская стала олицетворением античного времени, его великой духовной культуры. И человечество на своем пути проходит через воздействие этих больших и малых голограмм. При этом можно, перефразируя Ф. Энгельса, сказать, что для первоначального открытия - разработки голограммы в духовной культуре наступающей эпохи - требуется гений, тогда как для дальнейшего развития и воспроизводства обретенного подходят и таланты. И здесь в жизни нашего народа, утверждении новой духовной атмосферы особую роль сыграло творчество И.О. Дунаевского, музыка которого в сочетании с яркими зрительными образами стала неким лейтмотивом советской эпохи.

Добившись гармонического синтеза лирики, заразительного оптимизма и гимнической величавости, Дунаевский фактически открыл, продолжая открывать и развивать в дальнейшем, таинство основ советской образности. Полнота слияния стихотворного и мелодического как аспектов единого образа и, в свою очередь, соединение этого с киноизображением стала в советском искусстве, начиная с И.О. Дунаевского и Г.В. Александрова, предметом особого творческого внимания. Эпоха обретала свою культурную голограмму, в том числе и в сугубо визуальном плане. И на смену не возымевшей популярности конструктивистской геометризации в советскую культуру приходили мягкость линий, обтекаемые формы, светотень, фигуративность и т.д. Приближение войны, военное время и победа способствовали возвращению в культуру и утверждению, развитию в ней национальных мотивов. Неявный парафраз со сказочно-былинной изобразительной палитрой давал о себе знать при этом в таких, к примеру, выражениях, как "путь-дорожка", "полюшко", "родимая сторонushка", и их визуально-музыкальных образных эквивалентах. Найденная, наконец, образная голограмма советского искусства становилась важнейшей составляющей наступившей эпохи, ее своего рода авангардом. Уже в предвоенный период эта образность стала узнаваема народом и выразилась в самых различных существовавших тогда жанрах.

Возникали и крепили своего рода архетипы советской эпохи (Кремль с рубиновыми звездами и т.д.), обогащаемые имиджевыми (сочетание величественного с нежным и т.п.) чертами ("Утро красит нежным светом стены древнего Кремля - просыпается с рассветом вся советская земля"). В отли-

чие от западных имиджей, их советские аналоги, как рассматривает автор, формировались дедуктивным путем - от показа образа жизни социума в целом к показу частных его проявлений. Причем в картине мира советской эпохи, запечатленной средствами искусства, пейзажная сторона выступала вполне равноправной составляющей. И не пытаюсь умалить значения в советской художественной культуре сюжетно-фабульных сторон произведений, автор подчеркивает здесь и человекотворческую роль, социальное значение пластических, колористических, стилевых особенностей в их самоценности и репрезентативности.

Тематика произведений, эмоциональный их настрой с запечатлевшимися подспудно или явно мечтами и реалиями общества со временем отфокусировали свою фактуру или даже, если можно так сказать, свою собственную "клеточную структуру" развивающейся в советском искусстве и культуре образности.

Наряду с окружающей материальной средой, которая организовала мир, в том числе и внутренний мир человека, а иногда и вопреки воздействию отдельных элементов данной среды, глубоко воспринятые в обществе образы искусства настраивали его членов на формирование определенного "баланса чувств", продуцировали свою характерную ментальную модель общественных эстетико-культурных предпочтений. Интериоризируемый аудиторией образ может насыщаться и дополняться, инкрустироваться вызываемыми им эмоциями, мыслями реципиентов, переплетаться со многими попутными ассоциациями. Чем талантливее художественный образ, тем богаче его ассоциативная аура.

Наиболее сильным и стойким является императив, поддерживаемый человеком внутренне, всем существом, а потому не воспринимающийся как заданный извне. В этом плане возможности искусства как силы массового и индивидуального воздействия продолжают оставаться таинством. Благодаря искусству появляется возможность как придания привлекательного облика политически и идеологически значимым идеям, перспективам, ценностям, так и усиления их содержательных моментов. Выраженная в наглядных образах большая жизнестроительная идея становится более понятной, катарсичной, многогранной, действенной.

Насколько сама общественная жизнь богаче и разнообразнее любой идеологии, настолько и культурно - эстетический мир советской эпохи, слитый с коммунистической идеологией, созвучный ей, не сводится к последней. Советская эпоха породила свои силуэты, колориты, формы и фактуру, изоморфные этому модели мышления и чувствования, расширенно воспроизводившиеся импульсы общественного поведения. И среда эта росла и крепла не только вокруг, но и проникая в сознание (доходя до подсознания) человека, становясь его сокровенным жизненным миром. Произошло превращение вещественной среды в эффективное поле всеобщей "советизации". Последняя ни в коем случае не сводима к политике, идеологии, хотя содержит моменты таковых и ассоциации с ними по смежно-

сти. Несомненно, на этот образ жизни, или метастиль жизни общества, повлияли и социальные ожидания небывалого, усилия по его приближению, война, железный занавес. Но из этих черт советской эпохи отчасти стихийно, а отчасти и целенаправленно в обществе сложился некий универсальный катарсический "код". Все это можно оценить как некие субидеологические факторы, от влияния которых в период актуального их действия уберечься несравненно сложнее, чем от лобовой пропаганды и самой идеологической доктрины. Даже негативно относившиеся к явным проявлениям советской власти люди косвенно подпадали под ее влияние и обаяние через искусство и культуру, голограмму советской жизни в целом.

Великая культура, рождаясь в переломные эпохи, оказалась совсем не чужда и вдохновленной вековой мечтой эпохи советской. Советская эпоха открыла много нового в сенсорном мире человека. И советское общество, будучи "тоталитарным", помимо всех общеизвестных ныне в данном качестве изъянов, имеет своеобразие в том, что кроме авторитаризма власти, создает биополе своей собственной культуры, побуждающей людей рыдать и ликовать, определенным образом переживать и вдохновляться. Оно рождает свою неповторимую духовную атмосферу, узы которой подчас невозможно порвать, не разорвав собственного сердца.

Таким образом, *советская эпоха, базируясь не только на экономическом и политическом фундаменте, не только на своих идеологических твердых, но и на своей оригинальной, самобытной образности, отчасти непосредственно выросшей из самого социалистического строя, а отчасти с ним ассоциированной волею относительно нейтральных к строю обстоятельств обрела жизненные силы и ресурс развития.* Став репрезентантом бытия советского социалистического строя, сформировавшаяся образность определила и идейно-политический вектор жизненной позиции наших сограждан, выразилась в их свершениях.

В формировании советского патриотизма, наряду с вполне рациональными оценками людьми своей страны как "лучшей в мире" благодаря ее когда-то общеизвестным достижениям в производстве, социальной защите населения, обретении военной мощи и т.д., в массовом сознании (включая подсознание) возникал и мощный компонент патриотизма, "настоянный" на своеобразии советской эстетики, на наглядно-чувственных образах. Возникла и окрепла слитая с внешним окружением в единую многоцветную голограмму образов праздничности, повседневности, надежды и мечты картина жизненного мира советских людей. Именно данная картина мира и внесла свой незаменимый вклад в воспроизводство менталитета советских людей, научившихся и в самые экстремальные периоды истории выстаивать и побеждать.

В главе четвертой **"Образность и менталитет в исторической судьбе эпохи"** автор, опираясь на вышесказанное, доказывает, что в процессах открытия определенной образности общества, как и сохранения, развития ее, нет непреложности. Открыть в культуре оригинальную образность не-

сравненно труднее, чем воспроизводить ее. Но и сохранение, воспроизводство требуют значительных усилий. *Неудачи образности, стиля могут ослабить, деформировать менталитет общества и привести к крушению существующей общественной системы, политического строя, целой исторической эпохи.* Смена эпох может быть спровоцирована через субъективный фактор. И образно-стилевая определенность общества не только обусловлена экономико-политическими обстоятельствами, но и сама, в свою очередь, обуславливает ход кардинальных перемен материальной жизни, состояние общественных отношений.

В первом параграфе **"Противоположность образности советской эпохи и германского социума при нацизме"** автором оспаривается позиция Э.Фромма, что загадка привлекательности тоталитарных обществ, включая и советское, заключается для масс в "бегстве от свободы" (поскольку свобода сопряжена с бременем выбора и ответственностью за него). Не бегство от свободы, а обретение новых форм социальности, прорыв к невиданной ранее справедливой, прекрасной жизни явились для масс в советскую эпоху источником вдохновения и привлекательности создаваемого общества. Но никакая большая жизнестроительная идея, ни один меняющий бытийную парадигму общества политический режим не в состоянии выстоять и укрепиться, если они не обретут духовно-эмоциональную опору в оригинальном, самобытном, выразительном (явленном в сознании и подсознании людей, искусстве, облике вещественной среды и т.д.) образном мире.

В отличие от советского общества именно германский социум при нацизме отвечал в основном фроммовской формуле "бегства от свободы". Бесчеловечная гитлеровская "машинерия порядка", воплощенная в политике, идеологии, искусстве, выразила "бегство" масс под власть "твердой руки" после "веймарского хаоса". Но и образность нацистской культуры не была однозначно отталкивающей.

Наибольшие усилия организаторами и творцами художественной культуры третьего Рейха были предприняты в деле поиска "абсолютного стиля", где на псевдоантичной и псевдодревнегерманской основе зазвучала якобы сомасштабная вкусам и идеалам "нового поколения арийского народа" тема сверхчеловека. Гипертрофированная мощь мускулов, нагота, идеальные пропорции изображаемых тел явились основой образа, символа человека "с арийскими признаками".

Противоположность рассматриваемых общественных систем выразилась и в очевидном антигуманизме культуры в условиях нацистского миропорядка. В сверхчеловеческом не нашлось места человеческому. Все вырастающее в холодную наджизненную схему теряет свою привлекательность. Человек бежит от хаоса, бытовой суеты в мир великого, но и там не находит искомого душевного удовлетворения. Нет любви и умиления, нет радостного благоговения перед живым, и жизнь выхолащивается. Возникает "озноб души" (В. Розанов), и человек, сначала даже безотчетно

для себя, становится несчастным. Такой социум недолговечен, обречен на поражение и гибель.

Нельзя считать, что определенная утвердившаяся в обществе образность есть фактор только синхронизирующий, унифицирующий жизнь людей. Вдохновляя и объединяя членов общества, определенная образность культуры дает им не только общий способ постижения мира и отсюда сродства взаимного понимания и сопереживания, но и язык для выражения тончайших движений человеческой души. Отдельная личность не может сформировать свой внутренний мир исключительно собственными силами и средствами, да в этом нет и никакой необходимости. Коммуникативные возможности сформировавшейся в культуре общества образности способствуют и обогащению индивидуальности. Обмениваясь тонкими чувствами, переживаниями, люди все более раскрывают и развивают свой личностный потенциал.

Жизнь культурной эпохи, согласно О. Шпенглеру, есть осуществление заранее определенной судьбы. При этом вне поля зрения остается здесь проблема преждевременной гибели культуры и породившей данную культуру эпохи, как не ставится вопрос о возможности возвращения к жизни, казалось бы, погибшей культуры. Недооценка ведущими социальными группами и институтами, политическими лидерами реальной силы образного мира членов общества в формировании ценностей и целей, жизненных смыслов оборачивается для данных социумов, режимов их крушением. Если, согласно шпенглеровскому подходу, рассудочность, рационалистичность является следствием увядания и, в конечном счете, умирания культуры, то автору работы видится здесь одна из главных причин гибели культуры, культурной эпохи. Вопреки шпенглеровской версии автор считает, что и от образов культуры и сознания, от менталитета членов общества зависит, будет ли век той или иной эпохи, общественной системы продлен или, наоборот, безвременно оборван.

Выступая против заорганизованности культурных процессов, автор отвергает и другую крайность в позиции, что фактически любые попытки внести элементы осознанного управления в процесс развертывания архитектурного, художественного или иного культурного стиля, образного мира наносят социуму только вред. Нельзя произвольно выдумать характерный для общества стиль, образность. Но намеренно поддерживать или не поддерживать, стимулировать или не стимулировать уже открытую и освоенную в обществе образность, с точки зрения автора, совершенно уместно и нормально.

Поначалу социум может даже не отдавать себе отчета в обаянии своего образного мира, культурной самобытности. Но в дальнейшем такое знание в целях самовывживания, развития социума становится поистине необходимым. Ныне обществу не обойтись без исследований того, каким образом внерациональные смысловые и стилевые основания культуры способны детерминировать ход (и исход) событий общественной жизни. Заин-

тересованное адекватное знание о сокровенном и оригинальном в жизни определенного общества не убивает и не исчерпывает этой сокровенности, оригинальности. Наоборот, такого рода знания способствуют возникновению в обществе нового ресурса самосовершенствования.

Различного рода фундаментальные переживания, тяготения человеческого сознания и подсознания, которые, опредмечиваясь в культуре, организуют и направляют жизнь определенной эпохи, должны быть этой эпохе известны. *Определенная общественная система, когда она познает своеобразие и обаяние присущей данному социуму культуры, способна продлевать свой век и преумножать жизненные силы.*

Во втором параграфе **"Стиль молодежной культуры в западном мире и советском обществе"** автор отмечает, что крушение в конце двадцатого века советского строя и всей мировой системы социализма, ставшее поистине глобальным историческим событием, нельзя адекватно понять, если оставить без внимания образно-ментальный ракурс данного явления. И в этой связи анализируется ситуация второй половины двадцатого века, ознаменовавшаяся такими процессами, как становление и распространение молодежной культуры. Получившая широкий общественный резонанс в ведущих странах Запада как феномен демонстративного протеста против буржуазной морали "отцов" с позиций идущих вслед за ними "детей", молодежная культура несла не только совершенно новые образы и ритмы, но и растущий накал ультралевых, революционных настроений. Представлял ли реальную опасность устоям западного общества этот молодежный протест? Поначалу, конечно, представлял. Массовые молодежные выступления, переходившие в крупномасштабные силовые столкновения с властями, имели яркую антибуржуазную, антикапиталистическую направленность. Однако в дальнейшем положение резко изменилось. Автором работы это названо "зрелищным фактором", или "аудиовизуальной социализацией".

Резкий экстремизм ультралевой молодежи западных стран, бьющий на эффект форм, внешнего облика, стилистику неповиновения, оказался умело использован теми же "дельцами, обожравшимися буржуа", укладу жизни и ценностям которых противостояли молодые бунтари. В увлеченности зрелищной стороной, сопровождающей "антикапиталистический и антиимпериалистический протест", адепты капитализма нашли наиболее уязвимое место. Произошло, казалось бы, невозможное, когда экстравагантная и бунтарская молодежная культура за несколько лет была буквально интегрирована в общий поток массовой культуры, шоу-бизнеса, в индустрию моды и развлечений. Своего рода "логика экстравагантности", сенсационности, театральности возобладала в конце концов над "логикой протеста", при этом содержание и форма событий поменялись местами.

Можно спорить насчет того, допустимо ли было в моральном отношении направить нонконформистскую, антибуржуазную энергию миллионов молодых людей в "паруса капитализма". Но если чисто прагматически су-

доть о происшедшем с позиции сторонников сохранения данного общественного строя, то результат оказался несомненно удачным. Как удачным оказался ход, которым через атрибутику, стилистику, сферу досуга молодых западное общество сумело придать себе и до настоящего времени поддерживать "молодежный" облик.

В свою очередь, в советском обществе появление молодежной культуры являлось выражением молодежного протеста, последующие метаморфозы были невольно спровоцированы некоторыми тогдашними политическими руководителями и идеологическими функционерами. Так, известный молодежный способ заявить о себе по принципу "нате вам!" перевода разговора в политико-идеологическую плоскость не предполагал. Но это произошло. Утверждая, что в идеологической борьбе нет места нейтралizmu и компромиссам, наши тогдашние политики и идеологи, официальные институты относили к "средствам буржуазной пропаганды" многое, таковым вовсе не являющееся. Так было в отношении "формализма" и абстракционизма. Нечто подобное вплоть до середины семидесятых годов происходило в нашей стране и по отношению к рок-музыке.

Таким образом, в отличие от "капиталистического Запада", сумевшего обратить себе на пользу молодежную культуру и бунтарский антибуржуазный протест, "развитой социализм" в лице его догматиков-охранителей поступил с точностью до наоборот, вступив в самоубийственную и ненужную борьбу с образами, стилями быстротекущего века и сделав лишь модное, эпатирующее действительно оппозиционным. Обличения официозом образов западной культуры, шоу-индустрии, снискавших расположение и в социалистических странах, но воспринимавшихся как идеологические факторы, ставили наших сограждан перед до конца не осознанным, но рискованным для социализма выбором общественного строя.

Искренняя поддержка в творческих кругах советской художественно-культурной политики дала не сразу заметную, но болезненную "трещину". Представать конформистом даже в глазах идеологически противной стороны не хотелось никому. Это сбивало человека-творца с высокой ноты искреннего вдохновения, вносило диссонанс в мысли и чувства, что не могло не сказаться в произведениях периода "развитого социализма", в недостаточно впечатляющей силе многочисленных художественных образов. Количественные показатели в советской культуре не компенсировали упущений качества.

Именно ослабив свою катарсичность, образность, общественная система становится уязвима для своих противников и не столь привлекательна, как прежде, для многих своих сторонников. Однако это совсем не значит, что и в данном плане система погибла сама собой. В идеологической борьбе "капиталистический Запад" приложил все усилия, чтобы привлекательные образы мира ассоциировались у людей, живущих в "советской коммунистической империи" с иным общественно-политическим строем, иными социальными ориентирами. Пропаганда последних лет со-

ветской эпохи, словно забыв о былых достижениях, изъяснялась длинными, сухими, не цепляющими за душу фразами.

Молодежная аудитория, весьма расположенная к восприятию различного рода красочных обрядов, противилась вмешательству вербальной пропаганды в частную жизнь, сферу досуга. При отсутствии новых образных альтернатив пропагандистским образам "буржуазного мира" сила разоблачений "происков мирового капитализма" и прославлений "развитого социализма" оказалась недостаточной. Инициативой овладела противоположная сторона, последствия чего известны. Нельзя сказать, сколько времени могла бы просуществовать еще советская эпоха. Но исход противостояния двух мировых систем не был столь предрешен, как это представляется в настоящее время. И геополитическая ситуация в мире ныне могла быть совсем иной.

В третьем параграфе **"Образно-ментальный слом и проблема его преодоления в современной России"** рассматривается, как радикальными политиками постсоветского времени было развернуто и продолжается комплексное наступление на культурный мир, духовно-психологическую атмосферу предшествующей эпохи. Данные процессы вполне объяснимы. Наше общество в советскую эпоху ныне принято именовать "идеократическим". Но оно, как отмечается автором работы, являлось и "эйдократическим" (от "эйдос" - образ), то есть в духовном отношении живущим наглядно-чувственными образами, управляющимся (и самоуправляющимся), самоидентифицирующимся с помощью этих закрепленных в культуре, менталитете общесоциальных и внутриличностных образов. Поэтому свержение советского строя обретает дополнительные возможности стать в России и на всем постсоветском пространстве необратимым историческим фактом, если в общественном сознании и подсознании, культурном окружении людей осуществляется направленный "слом" унаследованного от прошлого образно-ментального каркаса. Однако ничего общего с демократией данный процесс не имеет и иметь не может, сколь бы прогрессивными призывами данные кампании не сопровождались. При этом политические усилия по радикальному изменению в обществе сознания, подсознания его членов парадоксально воспроизводят некоторые стереотипы старого мышления, прежние ценностные ориентации и жизненные смыслы, но с обратным знаком. Так, элитаристский максимализм российской интеллигенции приходит ныне на смену охватившим сознание аналогичной социальной группы в начале двадцатого века эгалитаристским устремлениям.

Несмотря на происшедшее, в нашем обществе, как утверждает автор, еще продолжают сохраняться духовные, ментальные константы, которые сплавляют сограждан сильнее, чем разделяет их нынешняя принадлежность к противоположным политическим лагерям. В этом автору видится один из важнейших факторов до сих пор не разразившейся в стране гражданской войны. *Продолжающаяся сохраняться в обществе глубинная соли-*

дарность препятствует наложению внутреннего конфликта на иные линии имущественного и гражданского размежевания. Формирование такого рода солидарности происходило долгое время, и она не сразу поддается размежеванию. При этом и сформировавшие наш менталитет наглядные образы также образуют материал, скрепляющий общество в единство. Они - необходимый элемент социальности, ее эстетико-катарсический алгоритм, вбирающий в себя многосложную голограмму мира - от внешних обликов окружающей субъекта среды до тайнств искусства и сокровенных видений человеческой души. Когда же разрушение образов и знаков внешнего мира усугубляется сломом критериев человеческого мироотношения, катарсического поля граждан, происходит переход общественного кризиса в стадию его кульминации. Потеряв свою "ментальную основу", люди склонны становиться потенциальной ударной силой гражданских войн, крупных социальных столкновений.

Образно-ментальный слом несет с собой угрозу эскалации в обществе насилия. Угроза эта двуедина. С одной стороны, у власти сокращаются возможности удерживать общество как целостность, с другой - у масс теряется чувство устойчивости, общности их жизни. Исчезает нечто, насыщающее жизнь с давних пор, разрушаются привычные ее картины. И значительная часть членов общества становится готова непосредственно встать на защиту попорченной жизненной ауры. Ностальгия - это не только тихая тоска о прошлом, уходящем, но подчас и мощный импульс к активному сопротивлению всем искажившим и поправшим его. По латыни "*nostos*" - возвращение домой, "*algos*" - страдание, боль. Ностальгия - возвращение домой через страдания и боль. Человек готов пожертвовать собой ради шанса такого возвращения. Происходит "сублимация" тоски людей по ушедшим в прошлое явлениям, событиям, социально-нравственным императивам в ностальгию сопротивления.

Таким образом, будучи следствием нетерпимости взявших власть политических сил к противникам, слом распространенных в обществе культурно-эстетических алгоритмов и способов мировосприятия провоцирует новый уровень столкновения, общесоциального взрыва. Даже если образно-ментальный слом сокращает переход к новому строю, то он ставит общество перед угрозой эскалации насилия.

В трактовке автора образно-ментальный слом не означает, что некая прежде всеобъемлющая парадигма мышления и чувствования, создания художественных образов перестает быть всеобъемлющей. Таким сломом автор считает некое событие, состояние общества, когда под натиском определенных социальных сил, не удовлетвовавшихся лишением ореола безальтернативности распространенного в данном обществе культурного, духовного алгоритма, последний подлежит намеренному уничтожению. Вопреки означенным деструктивным тенденциям автор выражает надежду, что будущий менталитет новой России станет синтезом лучшего, что есть и было в традиционном российском, советском и современном отечествен-

ном мироотношении. Появится и нечто совершенно новое, но начинать все с нуля, с чистого листа болезненно и не конструктивно. В единстве обновления и преемственности, в уходе от патернализма и идеологического диктата, в сохранении коллективизма и укреплении гуманистических ценностей - залог социального здоровья и культурного расцвета общества. И не следует опасаться здесь известной эклектичности, которая со временем естественно перестанет быть таковой.

Наряду с понятиями "экономическая безопасность России", "продовольственная безопасность" следует, считает автор, использовать и понятие "*ментальная безопасность*". Оно должно означать не "железный занавес" российского общества от какого-либо нежелательного духовного, культурного влияния на наших сограждан, а защиту на государственном уровне отечественных нравственных и культурно-эстетических ценностей от уничтожения, акций глумления в их адрес. Только при данном условии возможно оздоровление духовного, социального климата в современном российском обществе.

В **заключении** подводятся итоги осуществленного исследования, даются практические рекомендации, намечаются перспективные по данной теме направления дальнейшей работы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Благодаря не только своей рациональной составляющей, но и ассоциативности, метафоричности, сплавлению неповторимого с типичным, наглядные образы культуры, сознания субъекта дают ему значительный ресурс ценностного миропостижения, решения эвристических и социально-преобразовательных задач. Наглядность при этом не сводима к визуальному отображению объекта, которое не является сплошным, но становится сквозным, амбивалентным. Наглядные образы как социально-культурные феномены способны преодолевать порог обыденного сознания, раскрывая субъекту внутренний план отображаемого и основные формы обширных социально значимых явлений и процессов.

2. В исследовании социальной действительности и социальных ожиданий необходимо рассматривать их, кроме прочего, и в образном аспекте, когда образ жизни общества предстаёт в виде наглядного образа и образно-чувственного мира живущих, действующих в данном обществе людей. Это помогает лучшему постижению исследователем современных ему общественных явлений и реалий, стремлений людей иных исторических эпох.

3. Наглядно-чувственные образы мировосприятия не только выражают, но и формируют, средствами культуры утверждают менталитет общества, способствуют его функционированию и развитию. Менталитет как способ чувствования, стиль умонастроений коллективного социального субъекта выступает, в свою очередь, в качестве внутреннего основания оп-

ределённого образа жизни и общественного строя, средства самоидентификации личности и социума в целом.

4. Наступление и утверждение в нашей стране советской эпохи, отразившее великие надежды одной части общества и трагедию другой, выявило действенную силу наглядных образов не только в политическом, идеологическом, но и в культурно-эстетическом их значении. При кардинальной смене господствующего в обществе политического строя влияние наглядных образов художественной культуры на массовое сознание и подсознание резко возрастает, увлекая за собой дальнейший ход событий.

5. Выраженная в наглядных образах культуры большая жизнестроительная идея становится значительно более понятной, катарсичной, действенной. Однако насколько сама общественная жизнь богаче и разнообразнее любой идеологии, настолько и культурно-эстетический мир советской эпохи, слитый с коммунистической идеологией, в основном созвучный ей, не сводился к последней. Советская эпоха в сочетании стихийного и целенаправленно формируемого художниками, практиками, идеологами, властью породила свои силуэты, колориты, формы и фактуру, изоморфные этому модели мышления и чувствования, расширенно воспроизводившиеся импульсы общественного поведения. Даже облики повседневного предметного окружения людей обрели в советском обществе сильный потенциал репрезентативности. Обратная и фасадная стороны данного образа жизни контрастировали и взаимопроникали. Произошло превращение духовной и вещественной среды в эффективное поле всеобщей "советизации". Последняя ни в коем случае не сводима к политике, идеологии, но содержит моменты таковых и ассоциацию с ними хотя бы по смежности.

6. Вопреки наличию некоторых, ныне часто отмечаемых, политических, культурных черт сходства советского общества и германского социума при нацизме, именно последний явился выражением фроммовской формулы "бегства от свободы" под власть твердой руки. Зримо проявившаяся в культуре гитлеровская "машинерия порядка" и поиск "абсолютного стиля" завораживали, привлекали немало сторонников. Но в амбициях сверхчеловеческого не нашлось места человеческому. Всё вырастающее в холодную наджизненную схему теряет свою привлекательность, обрекается на поражение и гибель.

7. Открытие определенной культурной "голограммы" общества, как и сохранение, развитие ее, не являются чем-то непреложным. Поддерживать несравненно труднее, чем найти. Но и сохранение, воспроизводство требуют значительных усилий. Неудачи образности, стиля могут ослабить, деформировать менталитет общества и привести к крушению существующей общественной системы, политического строя, целой исторической эпохи. Смена эпох может быть спровоцирована через субъективный фактор. И образно-стилевая определённости не только обусловлена экономико-политическими обстоятельствами, но и сама, в свою очередь, обуслов-

ливаает ход кардинальных перемен материальной жизни, общественных отношений.

8. В отличие от "капиталистического Запада", сумевшего обратить себе на пользу молодежную культуру и бунтарский антибуржуазный протест, "развитой социализм" в лице его догматиков-охранителей поступил с точностью до наоборот, вступив в самоубийственную и ненужную борьбу с образами, стилями быстротекущего века и сделав лишь модное, эпатирующее действительно оппозиционным. Обличения официозом образов западной культуры, шоу-индустрии, снискавших расположение и в социалистических странах, ставили наших сограждан перед до конца не осознанным, но рискованным для социализма выбором общественного строя.

9. Ослабив свою катарсичность, образность, общественная система становится уязвима для противников и не столь привлекательна для многих своих сторонников. В идеологической борьбе "капиталистический Запад" приложил все усилия, чтобы привлекательные образы мира ассоциировались у людей, живущих в "советской коммунистической империи" с иным общественно-политическим строем, иными социальными ориентирами. Пропаганда последних лет советской эпохи, словно забыв о былых достижениях, изъяснялась сухими, монотонными фразами. При отсутствии образных альтернатив имиджам буржуазного мира эффективность советской пропаганды оказалась недостаточной. Инициативой овладела противоположная сторона, добившись своей победы.

10. Выступая против заорганизованности культурных процессов нельзя впадать в другую крайность в позиции, что фактически любые попытки внести элементы осознанного управления в процесс развёртывания архитектурного, художественного стиля, образного мира наносят социуму только вред. Нельзя произвольно выдумать характерный для общества стиль, образность. Но намеренно поддерживать или не поддерживать, стимулировать или не стимулировать уже открытую и освоенную в обществе образность уместно и нормально. Первоначально социум может даже не отдавать себе отчета в обаянии своего образного мира, культурной самобытности. Но в дальнейшем такое знание в целях самовыражения, развития социума становится поистине необходимым.

11. Происшедшее крушение советского строя обретает в сегодняшней России дополнительные возможности стать необратимым историческим фактом, если в общественном сознании и подсознании, культурном окружении людей осуществляется направленный "слом" унаследованного от прошлого образно-ментального каркаса. Но сколь бы прогрессивными призывами данные кампании не сопровождались, ничего общего с демократией они не имеют и иметь не могут.

12. Будучи следствием нетерпимости взявших власть политических сил к противникам, слом распространенных в обществе культурно-эстетических алгоритмов и способов мировосприятия, миропереживания провоцирует новый уровень столкновения, общесоциального взрыва. Даже

если образно-ментальный слом сокращает переход к новому строю, то он ставит общество перед угрозой эскалации насилия. Потеряв свою "ментальную основу", люди часто склонны становиться потенциальной ударной силой гражданских войн, крупных социальных столкновений. Безальтернативность культуры в новом ее виде не должна возобладать. Поэтому именно в единстве обновления и преемственности - залог социального оздоровления и культурного расцвета российского общества.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях автора:

1. Наглядные образы в менталитете общества. Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ), 2000. - 282 с.

2. Наглядные образы как культурный феномен общественной жизни. Монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2002. - 162 с.

3. Культура досуга: Монография коллективная. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1990. С. 220-240.

4. Свободное время и современная идеологическая борьба. Монография. М., 1987. Деп. ИНИОН № 31695. - 176 с.

5. Наглядные образы культуры как фактор общественной жизни // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 5. 0,5 п.л. С. 46-50.

6. Проблемы гуманизации аудиовизуальной среды в условиях НТП // Научно-технический прогресс и социальные проблемы трудового коллектива на современном этапе: Материалы региональной научной конференции. Свердловск, 1989. С. 138-139.

7. Стихийное и сознательное в формировании творческой рефлексии личности // Рефлексивные процессы и творчество: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 2. Новосибирск, 1990. С. 202-204 (в соавторстве).

8. Диалектика стихийного и сознательного в деятельности личности и общества // Общефилософские проблемы качества деятельности: Тезисы Всесоюзной научной конференции. Омск, 1990. С. 74-76 (в соавторстве).

9. Идеологическая борьба и развитие личности в свободное время // Философия, политика, культура: Материалы IV Всесоюзных философских чтений молодых ученых. М., 1984. Вып.7. С. 99-101.

10. Научно-техническое творчество молодежи в сфере свободного времени // Философская культура и образование в современных условиях: Материалы Всесоюзной школы молодых философов. М., 1988. С. 56-58.

11. Самореализация личности в сфере свободного времени // Субъективный фактор совершенствования социализма: Сб.статей. Свердловск, 1988. С. 93-99.

12. Свободное время и научно-техническое творчество молодежи // Методологические проблемы научно-технического творчества: Материа-

лы Республиканской научно-практической конференции. Рига, 1988. С. 270-272.

13. Социализация молодежи и проблемы социальной политики общества // Идеология и социальная политика: Межвуз. сборник статей. Свердловск, 1990. С. 54-61 (в соавторстве).

14. Роль общегуманитарного образования в высшей школе // Подготовка специалистов в условиях формирования рыночной экономики: Материалы региональной научно-методической конференции. Свердловск, 1991. С. 112-115 (в соавторстве).

15. О возрождении российского менталитета в переустройстве общества // Проблемы развития экономики в условиях формирования рыночных отношений: Тезисы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1992. С. 38-39.

16. Проблема менталитета в условиях преодоления "наследия тоталитаризма" // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Файнбургские чтения. Пермь, 1992. С. 118-119.

17. Культура "тоталитарного общества" // Философия, этика, политическая социология: Тезисы спецкурсов. Екатеринбург, 1992. С. 23-26.

18. Рынок и нравственность // Возрождение России: социальные и экономические аспекты развития: Тезисы Республиканской научно-практической конференции. Екатеринбург, 1992. С. 31 (в соавторстве).

19. Образы и ценности современной жизни // Современные социально-экономические проблемы развития России: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск: ОГУ, 1994. С.26-27.

20. Тенденции изменения менталитета общества в контексте современных общесоциальных перемен // Духовность русской культуры. Сборник статей по материалам Всероссийской конференции. Омск, 1994. С. 39-45.

21. Наглядные образы жизни и культуры: генезис, динамика, роль // Духовность и культура: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 35-36.

22. Менталитет общества в условиях современного его переустройства // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее: Тезисы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1995. С. 266-269.

23. Имидж российского интеллигента // Культура и интеллигенция в России в эпоху модернизации: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск: ОГУ, 1995. С.67-66.

24. Перемена образов менталитета как современная общесоциальная проблема // Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего. Красноярск, 1995. С. 59-64.

25. Образ жизни общества как наглядно-чувственный образ // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники: ПГТУ, 1995. С. 13-15.

26. Политические перемены и образно-ментальный слом в российском обществе // Философские, правовые и экономические проблемы реформирования России. Сб.статей и тезисов (по материалам Республиканской научной конференции "Россия на пути реформ"). Челябинск, 1995. С. 54-64.

27. Процессы гуманитаризации высшего образования // Высшая школа на пороге XXI века: Тезисы Республиканской научно-метод. конференции. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 113-116.

28. Образ жизни и менталитет в российском обществе // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 300-304.

29. Образ жизни и культуры в общественно-историческом процессе: попытка нового научного подхода // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала: Материалы Международной научно-практической конференции. Соликамск, 1996. С. 107.

30. Роль образно-ментального мира в стабилизации российского общества // Экономика России: проблемы стабилизации: Тезисы докладов Республиканской научно-теоретической конференции. Челябинск, 1996. С. 193-196.

31. Революция как образ // Октябрь семнадцатого года и современность: Тезисы Республиканской научно-практической конференции. М., 1997. С. 16-19.

32. Проблема менталитета в условиях российского кризиса // Социально-экономические проблемы межгосударственных отношений: Тезисы региональной научно-практической конференции. М., 1996. С. 28-29.

33. Гуманитарное образование и формирование образа мира у нового поколения вузовской молодежи // Развитие системы высшего образования - цивилизованный путь прогресса и реформ в российском обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 1996. С. 331-332.

34. Особенности жизненного мира молодежи в динамике социальной действительности // Молодежь России на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Березники, 1999. С. 24-27.

35. Молодежь как объект и субъект образовательного процесса // Молодежь России на рубеже веков. Материалы Международной научно-практической конференции. Березники, 1999. С. 113-114 (в соавторстве).

36. Роль наглядных образов в гуманитарном образовании // Образование - основа устойчивого развития России: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999. 4.3. С. 14-15.

37. Социально-экономические трансформации России: образ и реалии // Социально-трудовые отношения в трансформируемой России: Тезисы сообщений Международной конференции. Воронеж, 2000. Вып. 2. С. 50-52 (в соавторстве).

38. Ментальность русской эмиграции в Европе первой половины XX века // Социально-экономические приоритеты российского общества:

Тезисы региональной научной конференции. Екатеринбург, 2000. Ч.2. С. 46 (в соавторстве).

39. Общекультурный кругозор будущих специалистов XXI века // Высшее образование в России: достижения и перспективы: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2001. С. 21-22 (в соавторстве).

40. Ментальные узы русской интеллигенции в постреволюционный период // Экономика России и экономические знания на рубеже веков: Тезисы региональной научной конференции. Екатеринбург, 2001. Ч.1. С. 122-123.

41. Исторические коллизии и состояние менталитета общества в современной России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2001. № 4. С. 162-170.

42. Экономика и менталитет российского общества на рубеже эпох // Инновации - инвестиции - инфляция. Научные российско-германские чтения. Секция: Социальные проблемы образовательного процесса. Екатеринбург, 2001. С. 6-7.

43. Роль менталитета в общественной жизни // Конкурентоспособность территорий и предприятий - стратегия экономического развития страны: Тезисы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2002. Ч.1. С. 135-136.

44. Наглядный образ – архетип – мировоззрение // Мировоззрение как социокультурный феномен: Материалы Всероссийской научной конференции "Мировоззрение и культура". Екатеринбург, 2002. С. 9 – 11.